

АЛЬБОМНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЦТМ ИМ. А.А. БАХРУШИНА)

Статья посвящена исследованию альбомов второй половины XIX – начала XX века архива ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Автор приходит к заключению, что альбом был продуктом общественной жизни: он появлялся там, где складывалось общество. Распространение альбомов в недворянской среде может рассматриваться как признак возникновения и развития новых форм социальной интерактивности в городских кругах.

Ключевые слова: альбом, салон, кружок, светская жизнь, стратегии репрезентации, общественность.

Альбом как исторический источник давно вызывает научный интерес, однако, по меткому выражению В.Э. Вацура, «до сих пор из него извлечено гораздо меньше, чем он может дать» [1, с. 3]. С начала прошлого столетия исследователи обращались к альбомам в контексте изучения литературного быта [2]. Как следствие, основное внимание было сфокусировано на «литературных альбомах» пушкинской поры, – собраниях автографов, представлявших собой оригинальные произведения поэтов и прозаиков. К середине XIX века тип «литературных альбомов» стал встречаться реже и постепенно ушел в прошлое, уступив место «массовому альбому» [3, с. 45].

В данной статье альбом середины XIX – начала XX века рассматривается не только как литературный памятник, но и как источник по истории общественной жизни. Распространение «массового альбома» в различных городских слоях было сопряжено с бурным ростом численности кружков, салонов и журфиксов. Автографы посетителей этих собраний, отражавшие их интересы и ценности, явились свидетельствами перемен, происходивших в сознании образованного общества.

Значительный массив альбомов хранится в архиве Государственного центрального театрального музея; его основу составила «коллекция» А.А. Бахрушина. С опорой на эти материалы в статье предпринята попытка наметить контуры эволюции альбома в пореформенный период (изменение внешнего вида, круга авторов, содержания записей, а также стратегий репрезентации хозяев и гостей).

Один из самых ранних экспонатов коллекции атрибутирован как альбом С. Самуэльсона. На деле это альбом студентов Императорского училища Правоведения 1842 года [4]. Согласно терминологии В.Э. Вацура, его можно от-

* © Леонов М.М., 2009

Леонов Михаил Михайлович (mmlleonov@gmail.com), кафедра истории, философии и социологии Самарского муниципального института управления, 443084, г. Самара, ул. Стара Загора, 96.

нести к разряду «пансионских альбомов». В центре футляра расположена виньетка и символы «И.У.П. 1842». Внутри хранятся стихи И.С. Аксакова, притча А.М. Жемчужникова, посвящение князя Г. Багратиона-Мухранского. А.Н. Серов, впоследствии известный музыкальный критик, вклеил в альбом три своих акварели.

Характерным представителем группы «альбомы автографов» является альбом княгини П.Д. Друцкой [5]. Его отличает простота и изящество: бархатный переплет с золотой окантовкой, плотная белая бумага, на форзаце надпись «Album». В тетради преобладают нотные автографы и тексты посвящений на французском языке, среди прочих – записи П. Виардо и А.Г. Рубинштейна. Первые четыре страницы альбома остались свободными: по-видимому, их придерживали для наиболее ценных записей. С альбомом П.Д. Друцкой схож альбом Е. Марченко [6]. Здесь также собраны автографы известных музыкантов: Дж. Рубини, А. Тамбурины, П.И. Чайковского, А.Н. Скрябина. К этому типу близки «семейные» альбомы Е.В. Самариной [7] и М.И. Лавиной [8].

В пореформенную эпоху целый ряд альбомов по своему внешнему виду и содержанию продолжал ориентироваться на традиции минувших лет. Однако в связи с распространением в широких слоях образованного общества альбом зачастую утрачивал аристократический лоск. Так, альбом Э.К. Павловской выглядел уже иначе: плюшевый переплет, роза на форзаце [9]. Еще более отчетливо вкусы владельцев отразились в альбоме актрис В.В. Бороздиной и В.П. Музиль-Бороздиной [10]. На нескольких листах наклеены вырезанные из открыток картинки с изображением цветов. Менялось и содержание альбома. Если в первой половине XIX века светский этикет допускал записи, отражающие платоническую любовь к хозяйке гостиной, то во второй половине столетия уже не представляли редкости фривольные стихи, апеллирующие не к душе, а к телу. В пореформенной России постепенно шло разрушение прежнего романтического канона альбомных записей. Альбомы, выведенные за рамки элитарной культуры, приобрели новые черты. В качестве альбомов все чаще использовались блокноты дешевого издания в дерматиновом переплете. Французский язык почти полностью был вытеснен русским [11].

Верным признаком перелома стало появление в альбомах записей политического характера. Автографы такого рода были особенно характерны для эпохи первой русской революции. Так, альбомы Е.Н. Токаревой содержат немало радикальных высказываний: «Сцена – это та же революция; и та, и другая порождает таланты»; «Доживу ли до того дня, когда со сцены зазвучит свободное слово, свободная речь»; «Царствуй на страх врагам, царь православный! (на том свете)» [12. Л. 32, 34, 53].

Особую разновидность представляют альбомы-коллекции. В пореформенную эпоху набирали популярность альбомы вырезок из газет и журналов. Многие хозяева салонов и общественные деятели отслеживали упоминания о них в печати [13]. Альбомы вырезок представлены в собрании ГЦТМ целым рядом экземпляров [14]. Не лишен интереса альбом-коллекция известного скрипача В.В. Безекирского, в который включены тщательно отобранные свидетельства его успехов на сцене и при дворе [15]. Письма, афиши и газет-

ные вырезки аккуратно вклеены на каждую страницу; в конце альбома содержалась опись всех материалов. Данный альбом представлял собой своеобразный отчет о жизненном пути, где признаками удачной карьеры служили успех у публики и благосклонность «высшего общества».

Совсем иным было предназначение «Собрания курьезов в подлинниках и копиях» А.М. Жемчужникова [16]. Основная масса документов, составивших эту коллекцию, принадлежала людям, никак не связанным с хозяином альбома. Тут были малограмотные письма актеров, смешные газетные объявления и курьезы официального делопроизводства, например выписка из обращения митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского к обер-прокурору Синода о необходимости запрета цирковых представлений, подрывающих основы православной веры. Составленная А.М. Жемчужниковым коллекция, вероятно, служила для развлечения гостей.

Сравнительно часто встречаются альбомы, представляющие собой собрание переписанных стихов или коллекцию рисунков, выполненных одним лицом [17]. Они в значительной степени схожи, но порой между ними попадаются любопытные экземпляры. К числу последних относятся альбомы В.Н. Андреева-Бурлака и М.Н. Ермоловой [18].

Классический альбом автографов, содержащий срез социальных связей владельца, служил индикатором признания в своем (а может быть, и более высоком, как в случае В.В. Безекирского) круге, а значит, мог использоваться в целях репрезентации. Недаром его охотно демонстрировали гостям. Рассматривая альбом как индикатор общественного признания, надо сделать поправку на то, что записи современников ориентировались на определенные каноны. Не только допустимыми, но и желательными признавались комплименты (бывало, авторы перешагивали границу, за которой начиналась неприкрытая лесть).

Практически у каждого альбома автографов имелась направленность, отражавшая, до некоторой степени, индивидуальность владельца. Некоторые из них стремились к упорядоченности и проявляли большую щепетильность в подборе авторов и текстов. Так, например, хозяин крупного салона П.П. Варгунин вклеил на первую страницу своего роскошного альбома письмо П.И. Чайковского, украшенное синей лентой с бантиком [19. Л. 1]. Второе из помеченных (на этот раз, красной лентой) писем вовсе не имело отношения к Варгунину, но представляло собой раритет: пригласительный билет на «авантажную лотерею» 1 октября 1841 года. Ценность этому документу придавал рисунок К.П. Брюллова, изображавший три пары фужеров (во время лотереи было обещано шампанское). Помимо этого, альбом содержал автографы целого ряда знаменитостей, бывавших в салоне: Ф.И. Шаляпина, М.Г. Савиной, Я.П. Полонского, В.Ф. Комиссаржевской, К.Е. Маковского, К.К. Случевского, Ф.И. Стравинского, А.С. Суворина и др. Любопытно расположение записей: за рисунком Шаляпина от 16 декабря 1897 года шло посвящение от Э.Ф. Направника 3 января 1895 года, а за ним — стихи, записанные Т.Л. Щепкиной-Куперник в январе 1892 года [19. Л. 4–5 об.]. Варгунин лично отводил гостям место в альбоме, что подтверждается карандашной надписью на листе 6: «Эти листы исключительно для гг. Художников (Ватманская бумага)». Надо констатировать, что в данном альбоме отражен не только срез социальных связей, но и характер предпочтений хозяина.

Иными соображениями могли руководствоваться хозяева «домашних» альбомов. Как правило, на первый план здесь выходило не соби́рание цветника имен, а стремление занять гостей, предложив им прочесть имеющиеся записи и оставить свою [3, с. 45]. «Домашние» альбомы нередко были сентиментальны как в оформлении, так и по содержанию. На форзаце альбома юной Елизаветы Самариной размещена миниатюра, изображающая мать и дочь с цветами и фруктами [7]. Внутри – акварели, романтические посвящения и наставления родственников. Основными авторами альбома стали старшие братья Елизаветы, каждый из которых оставил несколько записей.

Необходимость сделать запись порой превращалась в нелегкий экзамен для гостя. Каноны светского поведения требовали продемонстрировать остроумие и талант, и случалось, что гость испытывал серьезные затруднения из-за боязни потерпеть фиаско и стать посмешищем в глазах других читателей альбома. Выход из этого положения многие искали в самокритике, заранее расписываясь в неспособности к сочинительству: «писала писака Лиза», «что могу я, раб земной, написать богине», «решительно не могу придумать, что Вам написать. Простите!»

Стресс, охватывавший иного гостя, мог привести к неприятностям. Так, в альбоме А.А. Бахрушина один из автографов был заклеен клочком бумаги, на котором значилось: «Простите великодушно за испорченную страницу. Написал не подумав, и принужден был уничтожить. Это все же лучше того, что было написано мной. А. Ленский» [20. Л. 14]. Сейчас бумага отклеена, но прочитать оригинальный текст не представляется возможным – А.П. Ленский зачеркнул его самым тщательным образом. Очевидно, что подобные конфузы были следствием неудавшихся экспромтов. Результат импровизации казался гостю столь ужасным, что он решался на нервные шаги, вроде перечеркивания или публичного отречения от вырвавшихся слов. Фиаско влекло за собой тяжелые переживания и порождало стремление реабилитироваться. Тот же автор, как правило, вскоре вновь появлялся в альбоме, на этот раз – с выверенной домашней заготовкой. Так, второй автограф А.П. Ленского в альбоме Бахрушина звучал совсем иначе: «Чем строже будет сценический художник взвешивать свой талант, тем яснее будет для него, что причина большинства его неудач кроется не в кознях врагов, а в собственных ошибках. Враги у него есть, и враги очень опасные: 1) самомнение и 2) энтузиасты-поклонники, подогревающие наше самомнение. Я испытал это на себе. И теперь, прослужив в театре 31 год, и оглянувшись назад, могу сказать, положив руку на сердце: я много видел неудач, встречал людей, ко мне нерасположенных, но интриганов и их козней – не видал, и встречал чаще помощь, чем равнодушие. А. Ленский» [20. Л. 36 об.].

Существовало немало способов оставить в альбоме запись, отражающую способность к импровизации. Один из наиболее распространенных в пореформенную эпоху приемов можно назвать переключкой автографов: пишущий искал тему в записи предыдущего автора. Так, в альбоме Бахрушина следом за текстом Ленского располагался отклик Е.К. Лешковской: «Со вздохом гляжу я на дружбу. С улыбкой – на козни врагов. (Байрон)» [20. Л. 37]. Феномен переключки автографов позволяет, в некоторых случаях, увидеть в альбоме не собрание разрозненных посланий, а цепочки текстов, связан-

ных общей идеей. Как в случае Е.К. Лешковской, характерно использование цитат: употребленное кстати выражение того или иного авторитета позволяло не только оставить дельную запись, но и блеснуть эрудицией. В альбоме А.А. Бахрушина обнаруживается несколько подобных цепочек. А. Петровская, вероятно, затрудняясь с сочинением подходящего пассажа, процитировала А.С. Грибоедова: «В мои года не должно сметь свое суждение иметь...». Следующий автограф отвечал ей фразой из того же «Горя от ума»: «Зачем-же так секретно?» [20. Л. 17]. Аналогичная связка возникла на соседних страницах. Князь Мирский оставил нотный автограф с подписью «Без любви горе, а с любовью вдвое» и тут же получил нотный автограф от Л.Ю. Звягиной: «Зачем любить, зачем страдать? Нам жизнь для Ра-дос-ти да-на» [20. Л. 18–19].

Переключка автографов, таким образом, вела к появлению подчеркнуто импровизированных, подчас ироничных, а подчас и саркастических записей. В альбоме театральных автографов Е.В. Лошкаревой есть запись управляющего драматической труппой малого театра князя А.И. Сумбатова-Южина «бойтесь суеты», давшая повод для шутки продолжателя: «...и актеров» [11. Л. 2–3]. Впрочем, отнюдь не обязательно предшествовавший автор становился жертвой остроловов. Тот же Сумбатов-Южин поместил в альбоме Е.Н. Токаревой фразу о том, что долг каждого плотника «хорошо строить, а не геройствовать», и следом расположился отклик: «Театральный “плотник”, а не “герой”, Е.В. Любов» [12. Л. 57 об.]. Встречались и вовсе миролюбивые приписки: «Очень рад присоединиться к предыдущей милой кампании и оставить по себе добрую память радушному хозяину. Григорий Ге. Казань. 1901 г. 16 июля» [12. Л. 33].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что во второй половине XIX века альбом распространяется в широких слоях образованного общества. Изменения, коснувшиеся его внешнего вида и характера записей, отражали адаптацию элементов светской культуры к среде разночинцев, купцов и мещан. Секрет популярности альбомного жанра следует искать в расширении горизонтов просвещенных масс, нижние слои которых перенимали внешние формы элитарной культуры и пытались усвоить ее содержание. Распространение альбомов в недворянской среде может рассматриваться как признак структурных изменений в общественной жизни России.

Библиографический список

1. Вацура В.Э. Литературные альбомы в собрании пушкинского дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела пушкинского дома за 1977 год. Л., 1979.
2. Верещагин В.А. Московский Аполлон. Альбом кн. А.М.Белосельского // Русский библиофил. 1916. № 1; Модзалевский Б. Из альбомной старины // Русский библиофил. 1916. № 6; Дризен Н.В. Тетушкин альбом // Столица и усадьба. 1916. № 68.
3. Юнгрен А. Поэзия Тютчева и салонная культура XIX века. М., 2006.
4. ГЦТМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 9. Альбом С. Самуэльсона (1839–1842).
5. ГЦТМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 4. Альбом княгини П.Д. Друцкой (1850–1854).
6. ГЦТМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 6. Альбом Е. Марченко (1840–1912).
7. ГЦТМ. Ф. 242. Оп. 1. Ед. хр. 39. Альбом Е.В. Самариной (1847).
8. ГЦТМ. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 16. Альбом М.И. Лавиной (1861–1891).

9. ГЦТМ. Ф. 201. Оп. 1. Ед. хр. 46. Альбом Э.К. Павловской (1883–1887).
10. ГЦТМ. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 574. Альбом В.В. Бороздиной и В.П. Музиль-Бороздиной (1851–1897).
11. ГЦТМ. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 9. Альбом Е.В. Лошкаревой (1901–1908).
12. ГЦТМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 11–14. Альбомы Е.Н.Токаревой.
13. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 23–26. А.В. Богданович – А.С.Суворину, письма 1907 и 1908 гг.
14. ГЦТМ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 8. Альбом М.А. Андреевой (Соловьевой), 1875–1885 гг.; ГЦТМ. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 198. Альбом В.А. Бороздина; ГЦТМ. Ф. 457. Оп. 1. Ед. хр. 56. Альбом Н.Б. Васильева, 1910 г.; ГЦТМ. Ф. 285. Оп. 1. Ед. хр. 56. Альбом В.Н. Трубина, 1897–1903 гг.
15. ГЦТМ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 48. Альбом В.В. Безекирского (1858–1910).
16. ГЦТМ. Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 365. Альбом-коллекция А.М. Жемчужникова «Собрание курьезов в подлинниках и копиях».
17. ГЦТМ. Ф. 380. Оп. 1. Ед. хр. 8, 9. Альбомы Е.А. Полевицкой (1906–1908).
18. ГЦТМ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 518, 1141. Альбомы М.Н. Ермоловой (1895–1917); ГЦТМ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 1, 2. Альбомы В.Н. Андреева-Бурлака (1879).
19. ГЦТМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 1. Альбом П.П. Варгунина (1889–1899).
20. ГЦТМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 4986. Альбом А.А. Бахрушина.

*M.M. Leonov**

ALBUM COLLECTIONS AS THE HISTORICAL SOURCE (BASED ON BAHRUSHIN MUSEUM COLLECTION)

The paper deals with A.A. Bahrushin's album collection (second half of XIX – beginning of XX centuries). M. Leonov concludes that album was a product of public life: it appeared only where the society was founded. Spreading of albums among the common people could be interpreted as a sign of forming and development of new forms of social interactivity in the city circles.

Key words: album, drawing-room, circle, high life, strategies of representation, civil society.

* *Leonov Mihail Mihailovich* (mmleonov@gmail.com), the Dept. of History, Philosophy and Sociology, Samara Municipal Institute of Management, Samara, 443084, Russia.